

УДК 342.5

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387

EDN HJCTGP

Формализация солидарности, единства и согласия в конституциях стран АСЕАН

Белоцеркович Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

belotserkovich@bsuedu.ru

Аннотация. В условиях переориентации внешней политики России на Азиатско-Тихоокеанский регион возрастает потребность в понимании конституционных ценностей стран АСЕАН, включая принцип солидарности. Это необходимо как для выработки эффективных дипломатических стратегий, так и для развития российского законодательства о социальном партнёрстве и межгосударственной интеграции. Несмотря на значительное количество публикаций о солидарности как социально-философском и политическом феномене, комплексные сравнительно-правовые исследования конституционной формализации солидарности и сопряженных с ней категорий «единство» и «согласие» в странах АСЕАН отсутствуют. Восполняя этот пробел, автор ставит целью выявить, систематизировать и охарактеризовать конституционные модели закрепления указанных категорий, а также определить их ценностное и процедурное значение для конституционного регулирования. Исследование выполнено на основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа конституций всех 11 государств-членов АСЕАН. В результате работы были выделены типы способов легализации нормативных предписаний. Установлено, что солидарность прямо закреплена лишь в конституциях Вьетнама, Мьянмы и Восточного Тимора, образуя три национальные модели: ценностно-идеологическую, обязывающе-обеспечительную и внешнеполитическую. Категория «единство» присутствует во всех основных законах региона, выполняя ценностно-символическую, целеполагающую, территориально-обеспечительную и культурно-образовательную функции. Категория «согласие» носит преимущественно инструментально-процедурный характер, являясь юридико-техническим механизмом легитимации властных решений и защиты прав личности; ценностное измерение согласия выявлено лишь в конституциях Малайзии и Брунея. Полученные результаты вносят вклад в сравнительное конституционное право и могут быть использованы для развития аксиологических (ценностных) основ конституционализма.

Ключевые слова: солидарность, согласие, единство, конституционные ценности, сравнительное правоведение, государство, народ, личность

Для цитирования: Белоцеркович Д.В. 2026. Формализация солидарности, единства и согласия в конституциях стран АСЕАН. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 376–387
DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387 EDN: HJCTGP

Formalization of Solidarity, Unity and Accord in the Constitutions of ASEAN Countries

Denis V. Belotserkovich

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

belotserkovich@bsuedu.ru

Abstract. In the context of global geopolitical shifts and Russia's increasing interest in the Asia-Pacific region, the analysis of the constitutional experience of the member states of the Association of Southeast

Asian Nations (ASEAN) is becoming particularly relevant. Despite a significant number of publications on solidarity as a socio-philosophical and political phenomenon, there are no comprehensive comparative legal studies of the constitutional formalization of solidarity and related categories of "unity" and "accord" in the ASEAN countries. Filling this gap, the author aims to identify, systematize and characterize the constitutional models of the consolidation of these categories, as well as to determine their value and procedural significance for constitutional regulation. The study is based on a formal legal and comparative legal analysis of the constitutions of all 10 ASEAN member states using a typology of ways to legalize regulatory prescriptions. As a result of the work, it has been established that solidarity is directly enshrined only in the constitutions of Vietnam, Myanmar and East Timor, forming three national models: value-ideological, binding-security and foreign policy. The category of «unity» is present in all the basic laws of the region, fulfilling value-symbolic, goal-setting, territorial, security, and cultural and educational functions. The category of "accord" is primarily instrumental and procedural in nature, being a legal and technical mechanism for legitimizing governmental decisions and protecting individual rights. The value dimension of accord has been revealed only in the Constitutions of Malaysia and Brunei. The results obtained contribute to comparative constitutional law by systematizing regional models of formalization of the categories under study, and can be used in the development of theoretical axiological foundations of constitutionalism.

Keywords: solidarity, accord, unity, constitutional values, comparative jurisprudence, state, people, personality

For citation: Belotserkovich D.V. 2026. Formalization of Solidarity, Unity and Accord in the Constitutions of ASEAN Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 376–387 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387 EDN: HJCTGP

Введение

Категория солидарности, будучи одной из фундаментальных основ социального бытия, сохраняет высокую востребованность в современной юридической науке. Однако ее концептуальное осмысление остается фрагментарным: отсутствует единство подходов к определению, не систематизированы конституционные модели закрепления, а сравнительные исследования ограничиваются отдельными государствами или регионами. Согласно правовой доктрине, в условиях глобальных вызовов согласование интересов различных слоёв общества становится категорическим императивом, а его основой выступает солидарность [Цыбулевская, 2022].

В правовой науке солидарность рассматривают в качестве конституционно-правовой ценности [Майборода, 2022; Руденко, 2025], принципа (постиндустриального общества [Умнова-Конюхова, Алешкова, 2021]) экономической деятельности граждан ([Шапсугова, 2021]); в видовом многообразии (экономическая [Агамагомедова, 2023], социальная [Алебастрова, 2017; Руденко, 2024; Сальников, Брылева, Захарцев, 2022]); в качестве вообразяемого политико-правового состояния [Исаев, 2009] и пр.

Более того, солидарность «выступает по своей сути понятием-парадигмой, концептогенным понятием-стратегией (что ни в коей мере не отменяет, а скорее способствует тому, чтобы было усилено и обогащалось ее регулирующее значение в качестве нормативного принципа)» [Зуйков, 2025]. Приведенные подходы свидетельствуют о научном интересе к тематике солидарности. Вместе с тем в юриспруденции с позиции отрасли конституционного права единичны специальные исследования, посвященные зарубежным моделям формализации солидарности [Белоцеркович, Новикова, 2025].

Методологически оправданным представляется обращение именно к конституционному опыту стран АСЕАН. В конституциях этих государств единство и согласие выступают не только в качестве ценностных ориентиров, но и как юридически значимые принципы, структурирующие публичную власть и правопорядок [Грачева, 2012; Тихомиров, 2017; Барциц, 2000].

Обзор современных научных трудов показал, что детального сопоставительного анализа того, как указанные категории закреплены в конституциях всех десяти стран АСЕАН, до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования – выявить, систематизировать и охарактеризовать конституционные модели формализации солидарности, единства и согласия в странах АСЕАН, а также определить их ценностное и процедурное значение для конституционного регулирования.

В статье последовательно анализируются способы легализации каждой из трех категорий, выявляются национальные особенности, группируются функциональные роли (ценностно-символическая, целеполагающая, территориально-обеспечительная, инструментально-процедурная). Основное внимание уделяется типологии конституционных моделей и их сравнительной характеристике.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили тексты конституций 11 государств – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Брунея, Восточного Тимора, Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин. Использовались аутентичные тексты на английском языке, а также переводы на русский язык, размещенные на портале worldconstitutions.ru.

Объект сравнения – способы конституционной формализации категорий «солидарность», «единство» и «согласие», а также их функциональная роль (ценностная, целеполагающая, процедурная, институциональная).

Методология исследования включает формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также типологизацию.

Процедура анализа состояла из следующих этапов: 1) сплошной поиск лексем «солидарность», «единство», «согласие» и их однокоренных вариантов в текстах конституций; 2) контекстуальный анализ выявленных фрагментов для определения функциональной нагрузки категории (ценностная, целевая, процедурная и пр.); 3) группировка однородных норм по выделенным смысловым блокам; 4) сравнительное обобщение.

Анализ ограничен исключительно текстами конституций; не рассматривались подзаконные акты, судебная практика и фактическая реализация закрепленных норм.

Конституционная формализация солидарности в странах АСЕАН

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституций государств-членов АСЕАН позволил заключить, что категория солидарности не получила в них повсеместного и унифицированного закрепления. Более того, ее конституционная формализация носит фрагментарный и, как правило, идеологически или ценностно окрашенный характер. В зависимости от национальной специфики можно выделить несколько моделей присутствия солидарности в конституционном тексте.

Наиболее показательным в этом отношении является Вьетнам, конституция которого содержит сразу несколько норм, прямо апеллирующих к солидарности. Так, в преамбуле Конституции этого государства говорится о том, что именно в процессе борьбы за независимость «выковывались традиции солидарности»¹, а вьетнамский народ, «воодушевленный идеями солидарности... строит свою страну, ведет независимую, суверенную, мирную внешнюю политику, проявляя солидарность с народами всех

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.

стран»¹. Помимо преамбулы, солидарность формализована в качестве одного из принципов государственной политики: «государство осуществляет политику равноправия, солидарности и взаимопомощи между всеми нациями»² (ст. 5).

Отечественный фронт Вьетнама, составляющий политическую основу народной власти, призван развивать «традиции всенародной солидарности»³ (ст. 9), а сама Республика во внешнеполитической деятельности «укрепляет солидарность... с социалистическими и соседними странами» (ст. 14)⁴.

Принципиально иной подход демонстрирует Конституция Мьянмы, где солидарность неизменно сопрягается с категорией «национальной» и рассматривается в первую очередь как инструмент сохранения целостности государства. В преамбуле зафиксировано намерение народа «строго придерживаться целей сохранения целостности Союза, единства, национальной солидарности и сохранения в веках суверенитета своей страны»⁵, а в качестве одной из неизменных целей Союза названо единство национальной солидарности (п. «b» ст. 6).

Обращает на себя внимание следующий юридико-технический прием: наряду с категорией «национальная солидарность» (как ценностная характеристика) в тексте фигурирует словосочетание «единство национальной солидарности». Последнее представляет собой смысловое усиление, где единство выступает атрибутом, указывающим на целостность внутри самой солидарности. Тем самым на конституционном уровне подчеркивается необходимость солидарного состояния общества. Обязанность поддерживать это единство адресована не только государственно-политическим институтам (Силам обороны (п. «е» ст. 20), политическим партиям (п. «а» ст. 404)), но и каждому гражданину (п. «b» ст. 383), а также формально закреплена в текстах присяги Президента, вице-президента (ст. 65) и депутатов (ст. 125). Таким образом, в Мьянме солидарность обретает черты не столько ценностного ориентира, сколько конституционно-правовой обязанности, обеспечивающей суверенитет и территориальную целостность.

Особняком стоит норма Конституции Восточного Тимора (ч. 1 ст. 10), которая провозглашает солидарность государства с «борьбой других наций за национальную свободу»⁶. Здесь солидарность выступает как принцип внешней политики, ориентированный на поддержку освободительных движений.

В конституциях других стран АСЕАН – Брунея, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин – прямое использование категории «солидарность» в тексте основных законов не зафиксировано. Этот факт, однако, не означает отсутствия данного феномена в конституционном дискурсе указанных государств. Как будет показано в последующих разделах, функциональную нагрузку солидарности здесь берут на себя сопряженные с ней категории «единства» и «согласия», которые либо замещают ее в тексте, либо выступают ее конституционными аналогами.

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 553–664.

⁶ Конституция Демократической Республики Восточный Тимор от 20 мая 2002 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 53–98.

Конституційна формалізація єдинства в країнах АСЕАН

Категорія «єдинство» зустрічається в конституціях держав-членів АСЕАН частіше, ніж солідарність, і виконує більш різноманітні функції. Вона представляє одночасно і як ціннісно-символічна категорія, і як ціль державної політики (включаючи економічну сферу), і як принцип територіальної організації, і як основа культурної, освітньої і етнонаціональної політики. Відокремлені конституції демонструють оригінальні підходи, що зв'язують єдинство з рівністю прав і обов'язків громадян.

В частині єдинства як ціннісно-символічної категорії відзначимо наступне. В ряду конституцій єдинство фігурує в преамбулах або інших нормах, які мають високе символічне значення. Так, в преамбулі Конституції Індонезії провозглашається, що держава ґрунтується на «єдинстві Індонезії і демократії»¹. На національному гербі цієї ж країни міститься напис «Єдинство в різноманітності» (ст. 36), що підкреслює інтегративну ідею при збереженні етнічного і культурного плюралізму. Аналогічний символічний зміст закладено в написі на державному гербі Лаосської Народної-Демократичної Республіки – «Мир, Незалежність, Демократія, Єдинство і Процвітання» (ст. 90). В преамбулі Конституції Камбоджі згадується національне єдинство, а її Король провозглашається «символом єдинства і бессмертия нації», а також «гарантом територіального єдинства Королівства»² (ст. 8).

В ряду країн єдинство виступає як орієнтир для діяльності публічної влади. Наприклад, в ст. 52 Конституції Камбоджі забезпечення національного єдинства заявлено як одна з цілей Королівського уряду. Більше того, ст. 55 встановлює, що «любі угоди і угоди, невідповідні с... національному єдинству Королівства Камбоджа, підлягають анулюванню»³, що надає категорії єдинства не тільки декларативне, але і юридично захищене значення. В Конституції Таїланду (п. 6 ст. 80) як державна задача закріплено «стимулювання і привиття правильного розуміння національного єдинства і завдань освіти»⁴. Уряду Індонезії вкладається в обов'язок враховувати вимоги «національного єдинства з метою розвитку цивілізації і благополуччя людства»⁵ (ч. 5 ст. 31).

В ч. 4 ст. 33 Конституції Індонезії легалізована економічна демократія, призначена для розвитку і єдинства національної економіки. Таким чином єдинство з глибоко політичної або територіальної категорії переводиться в економічну площину, набуваючи значення принципу організації господарського життя країни.

Найбільш виразно єдинство як основа територіальної цілості виражена в Конституції В'єтнаму, де єдинство Вітчизни виступає об'єктом захисту (ст. 13), а Народні озброєні сили зобов'язані перебувати в постійній бойовій готовності для захисту «єдинства і територіальної цілості країни»⁶ (ст. 45). В Конституції

¹ Конституція Республіки Індонезії від 18 серпня 1945 г. // Справочна правова система «КонсультантПлюс»; <https://www.consultant.ru/> (дата звернення 29.04.2026).

² Конституція Королівства Камбоджа від 21 вересня 1993 г. // Конституції держав Азії. Том 3. Дальній Схід. М. : Інститут законодавства і порівняльного правознавства при Уряді Російської Федерації : Норма, 2010. С. 179–208.

³ Там же.

⁴ Конституція Королівства Таїланд від 24 серпня 2007 г. // Конституції держав Азії. Том 3. Дальній Схід. М. : Інститут законодавства і порівняльного правознавства при Уряді Російської Федерації : Норма, 2010. С. 789–912.

⁵ Конституція Республіки Індонезії від 18 серпня 1945 г. // Справочна правова система «КонсультантПлюс»; <https://www.consultant.ru/> (дата звернення 29.04.2026).

⁶ Конституція Соціалістичної Республіки В'єтнам від 15 квітня 1992 г. // Конституції держав Азії. Том 3. Дальній Схід. М. : Інститут законодавства і порівняльного правознавства при Уряді Російської Федерації : Норма, 2010. С. 112–146.

Мьянмы единство проявляется через территориальную составляющую: при перечислении состава территории подчеркивается, что именно эти элементы (земля, море и воздушное пространство над ними) «в единстве образуют территорию государства»¹ (ст. 5). В преамбуле этой же Конституции отмечены единство и целостность народа как исторический и целевой векторы развития.

Особого внимания заслуживает формулировка территориального единства в Конституции Камбоджи, где оно определяется как «абсолютное в границах, установленных в период 1933–1955 годов по карте масштабом 1/100000 и признанных в 1963–1969 годах международным сообществом»² (ст. 2). Такая детализированная привязка к конкретным историческим картографическим источникам не имеет аналогов в конституциях других стран региона и подчеркивает особую политико-правовую значимость территориального единства для Камбоджи.

В ряде конституций единство выступает основой этнокультурной и образовательной политики. Так, в Конституции Лаоса закреплено, что государство «осуществляет политику, обеспечивающую единство и равенство всех этнических групп»³ (ст. 8). В Конституции Филиппин государство признает и обеспечивает право местных племенных общин на культурное развитие «в рамках политики национального единства и общественного развития» (Раздел 22 Статьи II)⁴. Более того, согласно Разделу 14 Статьи XIV, государство «поощряет обогащение и динамичное развитие филиппинской национальной культуры, основанной на принципе единства в разнообразии»⁵. В сфере образования Конституция Вьетнама устанавливает, что государство «управляет народным образованием, исходя из единства целей, содержания учебных планов, нормативов соответствия учителей, экзаменационных правил и аттестационных норм»⁶ (ст. 36), что указывает на унификацию образовательного пространства как проявление единства.

Конституция Восточного Тимора содержит интересную особенность. Ее ст. 16 озаглавлена «Единство и равенство», однако в самом тексте нормы категория «единство» отсутствует, при этом в двух частях закреплены равенство перед законом и судом, одинаковые обязанности и запрет дискриминации. Полагаем, в данном случае единство может быть сопоставлено с одинаковыми обязанностями граждан, что придает этой категории не столько интегративное, сколько уравнивающее значение.

Конституционная формализация согласия в странах АСЕАН

Категория «согласие» в конституциях государств-членов АСЕАН, в отличие от солидарности и единства, выполняет не столько ценностно-идеологическую, сколько инструментально-процедурную функцию. Согласие выступает здесь преимущественно как юридико-технический механизм легитимации властных решений, разграничения

¹ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 553–664.

² Конституция Королевства Камбоджа от 21 сентября 1993 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 179–208.

³ Конституция Лаосской Народно-Демократической Республики от 14 августа 1991 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 303–322.

⁴ Конституция Республики Филиппины от 02 февраля 1987 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 922–976.

⁵ Там же.

⁶ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 112–146.

компетенции и защиты прав личности. В зависимости от субъекта, чье согласие требуется, можно выделить несколько групп конституционных норм, формализующих данную категорию.

В ряде конституций согласие, как и единство, приобретает ценностное звучание. В преамбуле Конституции Брунея отмечена опора на «согласие традиционных советников» при принятии этого документа, что подчеркивает роль консенсусных механизмов в политической культуре этого государства. Наиболее ярко ценностный аспект согласия выражен в ч. 1 ст. 3 Конституции Малайзии, согласно которой «ислам является религией Федерации; однако другие религии могут исповедоваться в мире и согласии в любой части Федерации»¹. Здесь согласие выступает как принцип межконфессиональной гармонии, обеспечивающий социальную стабильность в полиэтническом и полирелигиозном обществе.

Наиболее многочисленную группу образуют нормы, в которых согласие выступает обязательным условием совершения юридически значимых действий различными субъектами публичной власти.

Согласие главы государства

В Конституции Брунея закреплено, что Его Величество Султан подписывает законопроект «и прилагает к нему Государственную печать в знак своего согласия»² (ч. 1 ст. 45). Султан также дает согласие на прекращение действия приказа о введении чрезвычайного положения (ч. 7 ст. 83). В Конституции Сингапура требуется согласие Президента на «назначение на должность или отмена принятого решения о назначении председателя, члена, высшего должностного лица какого-либо внутриправительственного комитета» (п. «b» ч. 1 ст. 22А)³, а также на продление полномочий судьи Верховного суда после достижения 65-летнего возраста (ч. 1 ст. 98) и на передачу заявления об отстранении члена Комиссии на рассмотрение трибунала (ч. 2 ст. 107). На Филиппинах Президент дает согласие на присутствие в палате и выступление Глав департаментов (Раздел 22 Статьи VI).

Согласие Совета правителей (Малайзия)

Этот орган наделен широкими полномочиями, требующими его согласия на: принятие Парламентом закона об осуществлении одним из Правителей полномочий Янг ди-Пертуан Агонга (ч. 5 ст. 33); выезд главы государства за пределы Федерации более чем на 15 дней (ч. 5 ст. 34); распространение религиозных актов на всю Федерацию (п. «b» ч. 2 ст. 38); принятие закона, а также на назначения, требующие согласия Совета, включая вопросы национальной политики (п. «с» ч. 2 ст. 38); принятие закона, затрагивающего привилегии, почести или титулы правителей (ч. 4 ст. 38). Процедурные особенности закреплены в ст. 9 раздела о Совете правителей: «любое согласие, назначение или мнение Совета правителей ... должны быть скреплены государственной печатью; в том случае, когда большинство членов Совета выразило свое согласие ..., Хранитель государственной печати скрепляет печатью решение Совета, не созывая его»⁴.

¹ Конституция Федерации Малайзии от 27 августа 1957 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 328–464.

² Конституция Государства Бруней Даруссалам от 29 сентября 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 10–46.

³ Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при

⁴ Конституция Федерации Малайзии от 27 августа 1957 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 328–464.

Согласие Парламента и его палат

Конституции стран АСЕАН детально регламентируют случаи, требующие согласия законодательного органа.

Внешняя политика и безопасность: объявление войны и поддержание мира (п. «ф» ст. 85 Конституции Восточного Тимора, ч. 1 ст. 11 Конституции Индонезии, п. «с» ст. 213 Конституции Мьянмы); установление и прекращение дипломатических отношений с иностранными государствами (ст. 206 Конституции Мьянмы); заключение международных соглашений, «которые могут оказать значительное влияние на жизнь народа, влекут за собой расходы из государственного бюджета и (или) требуют изменения действующих либо принятия новых законов»¹ (ч. 2 ст. 11 Конституции Индонезии).

Внутренняя безопасность: введение военного или чрезвычайного положения (п. «g» ст. 85 Конституции Восточного Тимора); изменение территориальной границы Союза (п. «е» ст. 52 Конституции Мьянмы); пересмотр территориальной границы региона или штата с согласия избирателей, проживающих в соответствующем поселении (п. «а» ст. 53 Конституции Мьянмы).

Формирование и функционирование правительства: назначение или отстранение от должности Премьер-министра (ст. 72 Конституции Лаоса); назначение министров Союзного правительства и изменение их количества (п. «а» ст. 202 Конституции Мьянмы); назначение видного представителя победившей на выборах партии для формирования Королевского правительства (ст. 119 Конституции Камбоджи); задержание членов Правительства (ст. 114 Конституции Восточного Тимора).

Парламентские процедуры: принятие проектов законов и органических законов (ст. 90 Конституции Таиланда); принятие закона, предоставляющего освобождение от налогообложения (ч. 4 Раздела 28 Статьи VI Конституции Филиппин); объявление амнистии (Раздел 19 Статьи VII Конституции Филиппин); приостановление одного из правил процедуры, «если... такое приостановление необходимо для обеспечения надлежащей и оперативной работы Законодательного совета»² (ч. 3 ст. 48 Конституции Брунея).

Изменение Конституции: пересмотр Конституции большинством в две трети голосов членов Парламента (п. «і» ч. 3 ст. 85 Конституции Восточного Тимора) либо не менее 50 процентов плюс один голос от общего состава Народного консультативного собрания (ч. 4 ст. 37 Конституции Индонезии).

Статус депутатов: арест и привлечение депутата к судебной ответственности (ст. 99 Конституции Вьетнама, ст. 93 Конституции Мьянмы); судебное преследование или ограничение свободы депутатов (ст. 64 Конституции Лаоса, ст. 131 Конституции Таиланда); приостановление членства или исключение члена палаты из ее состава (ч. 3 Раздела 16 Статьи VI Конституции Филиппин); отсутствие депутата на сессиях более 15 дней подряд (ст. 87 Конституции Мьянмы).

Иные полномочия: отсутствие Президента в стране или осуществление им официальных визитов (ч. 1 ст. 80, п. «h» ч. 3 ст. 85 Конституции Восточного Тимора); назначение и смещение с должности членов Комиссии по судебским делам (ч. 3 ст. 24В Конституции Индонезии); повышение сотрудников Парламента по службе или перевод на работу в другие государственные органы (ч. 5 ст. 51 Конституции Сингапура); дела об импичменте (ч. 6 Раздел 3 Статьи XI Конституции Филиппин).

Интересна ст. 60 Конституции Сингапура, согласно которой «в каждом законопроекте, представленном на утверждение Президента, должна содержаться

¹ Конституция Республики Индонезии от 18 августа 1945 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.04.2026).

² Конституция Государства Бруней Даруссалам от 29 сентября 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 10–46.

формулировка: "Подлежит утверждению Президентом Республики Сингапур по совету и с согласия Парламента Республики Сингапур..."»¹.

Согласие Правительства, Премьер-министра и Кабинета министров

В Восточном Тиморе согласие Правительства или Премьер-министра требуется для: назначения и увольнения членов Правительства (п. «h» ст. 86); назначения и увольнения Главнокомандующего Вооруженными силами (п. «m» ст. 86); назначения и увольнения послов (п. «b» ст. 87); дарования помилования и смягчения наказания (п. «i» ст. 85 Конституции Восточного Тимора); проведения переговоров по международным соглашениям в области обороны и безопасности (п. «d» ст. 87); действий Правительства, касающихся увеличения или уменьшения государственных доходов или расходов (п. «e» ст. 116). В Конституции Сингапура предусмотрено согласие Кабинета министров на подготовку «корректирующего проекта расходной части бюджета ... который должен быть представлен на рассмотрение и голосование в Парламент»² (ст. 148), а также согласие Премьер-министра на отстранение Генерального прокурора от должности (п. «a» ч. 5 ст. 35). В Малайзии требуется согласие Кабинета министров на объявление земли на территории штата районом застройки (ч. 3 ст. 95E).

Отдельную группу образуют нормы, требующие согласия на уровне федеративных отношений. В Малайзии необходимо согласие Федерации на расширение штатом своих учреждений или изменение окладов, если это влечет увеличение ответственности Федерации в отношении пенсий и компенсаций (ч. 1 ст. 112); согласие штата – на изменение его границ (п. «b» ст. 2); согласие Правительства штата – на возврат земли, право пользования которой было предоставлено Федерации (ч. 1 ст. 84); согласие лица – на его выдвижение кандидатом на выборах в Парламент или назначение в Сенат (ч. 4 ст. 50).

В Мьянме требуется согласие законодательного собрания региона или штата на: создание министерства региона или штата, изменение их количества и структуры (п. «i» ст. 248); назначение лица на должность Генерального прокурора региона или штата (п. «a» ст. 266); назначение лица на должность Генерального аудитора региона или штата (п. «a» ст. 271); установление числа министров региона или штата (п. «ii» ст. 248).

На Филиппинах закреплено согласие государства на его преследование в судебном порядке (Раздел 3 Статьи XVI).

Конституции предусматривают случаи, когда требуется согласие судьи: на его перевод на другую должность, кроме случаев настоятельной необходимости (ст. 197 Конституции Таиланда); на его перевод в другое место пребывания, если этого требуют государственные интересы (Раздел 5 Статьи VIII Конституции Филиппин).

Конституции стран АСЕАН закрепляют ряд случаев, когда действия публичной власти или иных лиц требуют добровольного согласия гражданина на: проникновение в жилище (ч. 2 ст. 37 Конституции Восточного Тимора; ст. 33 Конституции Таиланда); сбор персональных данных о личной жизни, убеждениях, религиозных взглядах, принадлежности к партии и т.д. (ч. 3 ст. 38 Конституции Восточного Тимора); вступление в какое-либо объединение или пребывание в нем (ч. 2 ст. 43 Конституции Восточного Тимора); добровольное согласие сторон как основа для брака (ч. 3 ст. 39 Конституции Восточного Тимора, ст. 45 Конституции Камбоджи). В Малайзии предусмотрено право лица, имеющего «охраняемый законом интерес», требовать согласия на объявление правительством штата земель, зарезервированных для малайцев (п. «b» ч. 3 ст. 89).

¹ Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 675–782.

² Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 675–782.

В ст. 365 Конституции Мьянмы установлено: «Каждый гражданин... имеет право содействовать свободному развитию литературы, культуры, искусств, обычаев и традиций, которые он ценит и любит. Осуществляя это право, граждане обязаны избегать любых действий, которые могут нанести вред национальной солидарности. Более того, любое действие, которое может привести к негативным последствиям для интересов одной или нескольких национальностей, может быть предпринято только после... получения согласия от тех, чьи интересы оно может непосредственно затронуть»¹. На наш взгляд, уникальность представленной нормы проявляется в том, что она связывает согласие с защитой национальной солидарности и коллективных интересов этнических групп, что придает категории согласия не только правозащитное, но и этнополитическое измерение.

Согласие в конституциях стран АСЕАН – это преимущественно процедурная категория, обеспечивающая легитимацию властных решений, разграничение полномочий и защиту прав личности. В отличие от солидарности и единства, его ценностное измерение выражено слабее (заметно лишь в Малайзии и Брунее). Наибольшее разнообразие норм о согласии характерно для конституций Восточного Тимора, Индонезии, Малайзии, Мьянмы и Филиппин, тогда как в конституциях Лаоса, Таиланда и Сингапура эта категория встречается фрагментарно.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование конституций государств – членов АСЕАН позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, солидарность не получила в конституциях стран региона повсеместного закрепления. Она прямо присутствует лишь в трех государствах (Восточный Тимор, Вьетнам, Мьянма), причем каждая из этих моделей отражает национальную специфику: во Вьетнаме солидарность выступает ценностно-идеологической основой государственной политики и внешнеполитической деятельности; в Мьянме – инструментом сохранения территориальной целостности и суверенитета, облеченным в форму конституционно-правовой обязанности; в Восточном Тиморе – принципом внешней политики, ориентированным на поддержку освободительных движений. В остальных странах АСЕАН солидарность выражена через сопряженные категории, что подтверждает методологическую оправданность их комплексного анализа.

Во-вторых, единство, в отличие от солидарности, является универсальной категорией, присутствующей в конституциях всех рассмотренных государств. Оно выполняет несколько функций: ценностно-символическую (преамбулы, государственные символы, конституционная роль главы государства), целеполагающую (ориентиры для публичной власти, включая экономическую сферу), территориально-обеспечительную (защита целостности государства, включая уникальную привязку к историческим картам в Камбодже) и культурно-образовательную (единство как основа этнонациональной, образовательной и культурной политики). Отдельного внимания заслуживает оригинальная трактовка единства в Конституции Восточного Тимора, связывающая его с равенством прав и обязанностей граждан.

В-третьих, согласие в конституциях стран АСЕАН выполняет преимущественно инструментально-процедурную функцию, выступая юридико-техническим механизмом легитимации властных решений, разграничения компетенции и защиты прав личности. Наибольшее разнообразие процедурных норм о согласии характерно для конституций Восточного Тимора, Индонезии, Малайзии, Мьянмы и Филиппин. Наименьшее – для

¹ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 553–664.

Лаоса, Таїланда і Сингапура, де згода зустрічається фрагментарно. Ціннісне вимірювання згоди виражене слабше і помітно лише в Малайзії (принцип міжконфесійної гармонії) і Брунеї (опора на консенсус традиційних радників). Унікальною є ст. 365 Конституції М'янми, що зв'язує згоду з захистом національної солідарності і колективних інтересів етнічних груп, що надає категорії згоди не тільки правозахисну, але і етнополітичне вимірювання.

Таким чином, дослідження підтвердило, що конституційна формалізація солідарності, єдності і згоди в країнах АСЕАН не є уніфікованою, але підпорядковується загальній логіці: солідарність виступає ціннісно-ідеологічним фундаментом (де вона прямо закріплена), єдність – інтегративною основою державного і суспільного устрою, а згода – процедурним інструментом його функціонування. Представлена систематизація конституційних моделей може бути використана для подальших компаративістських досліджень правових систем Юго-Східної Азії, а також для удосконалення конституційного регулювання в сфері публічно-владних відносин зарубіжних країн з урахуванням кращих практик країн регіону.

Список літератури

- Агамагомедова С.А. 2023. Солідарність: конституційний принцип і цінність економічного взаємодіяння. *Право. Журнал Вищої школи економіки*, 51(2): 114–138. DOI: [10.17323/2072-8166.2023.2.114.138](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138)
- Алебастрова І.А. 2017. Принцип соціальної солідарності в конституційному праві: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 555 с.
- Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. 2025. Формалізація солідарності і сопряжених категорій в конституціях країн СНГ. *Право і держава: теорія і практика*, 12: 1021–1025. DOI [10.47643/1815-1337_2025_12_1021](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021)
- Зуйков А.В. 2025. Солідарність і її економічна складова в конституційному вимірюванні. *Вісник Московського університету. Серія ІІ. Право*, 1: 135–145. DOI: [10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7)
- Ісаєв І.А. 2009. Солідарність як уявляване політико-правове стан: монографія. М.: Проспект, 176 с.
- Майборода Е.Т. 2024. Ціннісна солідарність – інструмент правового прогнозування інтересу колективного суб'єкта. *Аграрне і земельне право*, 9(237): 30–32. DOI: [10.47643/1815-1329_2024_9_30](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_9_30)
- Руденко В.В. 2025. Солідарність як конституційно-правова цінність в Росії. *Антиномії*, 25(1): 198–216. DOI: [10.17506/26867206_2025_25_1_198](https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198)
- Руденко В.В. 2024. Соціальна солідарність в документах стратегічного планування. *Вісник Сургутського державного університету*, 12 (3): 107–113. DOI: [10.35266/2949-3455-2024-3-11](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-11)
- Сальников В.П., Брылева Е.А., Захарцев С.И. 2022. Соціальна солідарність як відображення політики держави. *Освіта і право*, 12: 11–18. DOI: [10.24412/2076-1503-2022-12-11-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18)
- Умнова-Конюхова І.А., Алешкова І.А. 2021. Принцип солідарності в постіндустріальному суспільстві: особливості змісту тенденції розвитку. *Міжнародне публічне і приватне право*, 1: 3–7.
- Цыбулевська О.І. 2022. Солідарність в праві в фокусі моральних проблем. *Державно-правові дослідження*, 5: 63–68.
- Шапсугова М.Д. 2021. Солідарність як новий принцип економічної діяльності громадян. *Право і практика*, 2: 14–20. DOI: [10.24412/2411-2275-2021-2-14-20](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-2-14-20)

References

- Agamagomedova S.A. 2023. Economic solidarity: Constitutional Principle and Value of Economic Interaction. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 51(2): 114–138. DOI: [10.17323/2072-8166.2023.2.114.138](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138). (In Russian)

- Alebastrova I.A. 2017. Princip social'noj solidarnosti v konstitucionnom prave [The principle of social solidarity in constitutional law]: Dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva. 555 s.
- Belotserkovich D.V. 2025. Formalization of Solidarity and Related Categories in the Constitutions of THE CIS Countries. *Law and state: theory and practice*, 12: 1021–1025. (In Russian) http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021.
- Zuykov A.V. 2025. Solidarity and its economic component in the constitutional dimension. *Lomonosov Law Journal*, 1: 135–145. (In Russian). DOI: [10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7).
- Isaev I.A. 2009. Solidarnost' kak voobrazhaemoe politiko-pravovoe sostoyanie [Solidarity as an imaginary political and legal condition]: monografiya. M.: Prospekt, 176 s.
- Maiboroda E.T. 2024. Value solidarity as a tool for legal forecasting of the Interest of a collective. *Agrarian and land law*, 9 (237): 30–32. (In Russian). DOI: [10.47643/1815-1329_2024_9_30](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_9_30).
- Rudenko V.V. 2025. Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia, *Antinomies*, 25 (1): 198–216. (In Russian). DOI: [10.17506/26867206_2025_25_1_198](https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198).
- Rudenko V.V. 2024. Social solidarity in the strategic planning documents. *Surgut State University Journal*, 12 (3):107–113. (In Russian). DOI: [10.35266/2949-3455-2024-3-11](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-11).
- Salnikov V.P., Bryleva E.A., Zakhartsev S.I. 2022. Social solidarity as a reflection of state policy. *Obrazovanie i pravo*, 12: 11–18. (In Russian). DOI: [10.24412/2076-1503-2022-12-11-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18).
- Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. 2021. The principle of solidarity in the post-industrial society: content peculiarities and development tendencies. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 1: 3–7. (In Russian)
- Tsybulevskaya O.I. 2022. Solidarity in law in the focus of moral problems. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*, 5: 63–68. (In Russian)
- Shapsugova M.D. 2021. Solidarity as a new principle of economic activity of individuals. *Pravo i praktika*, 2: 14–20. (In Russian). DOI: [10.24412/2411-2275-2021-2-14-20](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-2-14-20).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2026

Поступила после рецензирования 24.05.2026

Принята к публикации 05.06.2026

Received May 15, 2026

Revised May 24, 2026

Accepted June 5, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоцеркович Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, советник при ректорате, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Belotserkovich, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Advisor to the Rector's Office, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.